

- ⁴³ Гадамер Г.Г. Філософія і поезія // Гадамер Г.Г. Герменевтика і поетика. Вибрані твори: пер. з нім. К.: Юніверс, 2001. С. 120–121.
- ⁴⁴ История немецкой литературы: в 5 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. Т. II. С. 212–213.
- ⁴⁵ Ганус С. Німецька славістика доби Просвітництва // Проблеми слов'янознавства. Вип. 53. Львів: Львівський національний університет імені Івана Франка, 2003. С. 45–47.
- ⁴⁶ История немецкой литературы: в 5 т. Т. II. С. 72–73.
- ⁴⁷ Шлоссер Ф. История восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения Французской империи с особенно подробным изложением хода литературы: пер. с нем. Т. IV. Ход и характер умственного образования и литературы. От восстания Северо-Американских провинций против Англии до 1788 г. СПб.: Тип. Гл. штаба по военно-учеб. заведениям, 1859. С. 47.
- ⁴⁸ Кареев Н. Литературная эволюция на Западе. Очерки и наброски из теории и истории литературы с точки зрения неспециалиста. Воронеж: Журнал «Филологические записки», 1886. С. 247.
- ⁴⁹ Ehrismann O. Thesen zur Rezeptionsgeschichtsschreibung // Historizität in Sprach- und Literaturwissenschaft. Vorträge und Berichte der Stuttgarter Germanistentagung 1972. Hrsg. Von Walter Müller-Seidel. München: Wilhelm Fink Verlag, 1974. S. 127–129.
- ⁵⁰ Гердер И.Г. О новейшей немецкой литературе. Первый сб. фрагментов. 1767. (О различных возрастах языка). С. 124.
- ⁵¹ Наливайко Д.С., Шахова К.О. Зарубіжна література ХІХ сторіччя. Доба романтизму. К.: Заповіт, 1997. С. 13.
- ⁵² Там же. С. 14.
- ⁵³ Ганус С. Передромантизм і становлення німецької медієвістики в другій половині ХVІІІ ст. // Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології. (Збірник наукових праць). Т. 2 (26). Чернівці: «Зелена Буковина», 2008. С. 149–184.
- ⁵⁴ Ван Крефельд М. Расцвет и упадок государства: пер. с англ. М.: ИРИСЭН, 2006. С. 241.

Г.Ф. ГОРБАШОВА

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: «МИР» ЧЕЛОВЕКА ВИКТОРИАНСКОЙ ЭПОХИ

Каждая эпоха предлагает нам новые оценки и решения, казалось бы давно решенных проблем, высвечивает новые горизонты и порождает новые вопросы. Как отмечает Ю.А. Поляков, «исторический процесс складывается из множества событий, фактов, явлений, крупных и мелких, затрагивающих миллионы людей и судьбы отдельных личностей. Все, что происходит на нашей планете, с течением времени становится историей, на ход истории в огромной степени влияют выдающиеся личности, которые... могут менять развитие событий. Исторические переживания связаны с особенностями человеческого характера, способности масс действовать спонтанно... Поэтому историю нельзя изучать в плоскостном измерении... История должна предстать перед нашими современниками объемной, полихромной и полифоничной»¹. Можно наблюдать, что в научный оборот наряду с экономической, политической, социальной и культурной историей активно внедряются и такие категории, как история повседневности, социальной стратификации, изучение ментальностей и духовной составляющей. Необходимость создания банка данных в области истории повседневности приводит исследователей различных стран к освоению нового специфического исследовательского пространства, разработке новых подходов и методик, использованию разных типов источников, в частности и таких «субъективных» источников, как дневники, мемуары, записки путешественников, письма. В отечественной историографии в определенной степени сложилась традиция в изучении повседневности и материальной культуры (А.Я. Гуревич, Л.П. Репина, А.Л. Ястребичкая, И.В. Якубовская).

«Возрождение» интереса к истории повседневности, которое наблюдается в новом столетии, вызвано к жизни новыми импульсами развития исторической науки, прибывающей, по мнению М. Блока, «в движении» и в «стремлении к лучшему пониманию»². В то же время важно отметить и интерес читающей публики к реалиям

повседневной жизни и «миру» человека «истории частной жизни». На книжных прилавках появились работы (прежде всего зарубежных авторов), посвященные истории повседневности, включающие как традиционную тематику (история быта, «мир вещей»), так и новую – человек как создатель мира, как субъект истории. Показательно, что обращение к сюжетам и темам истории повседневности уже имело место в исторической науке в работах исследователей разных поколений школы Анналов. Анналисты, если так можно выразиться, провели «очеловечивание» истории. В работах представителей этой школы мы видим уже не абстрактных, лишенных индивидуальности «представителей прошлого», а живых людей минувших эпох. Изучение человеческого измерения истории, по мнению первых анналистов, определило внимание к тому, как люди других эпох воспринимали окружающий мир, отношение людей прошлого к явлениям повседневности, социальный и семейный «облик человека», особенности мышления людей минувших эпох. М. Блок – «отец-основатель» школы Анналов исследовал социальную и экономическую историю не как безжизненную эволюцию экономических и социальных структур, а наполненную «реальным человеческим содержанием». В центре его исследований стоят не выдающиеся личности, а обычные люди, традиционно считавшиеся «безучастными свидетелями истории». Л. Февр, в отличие от М. Блока, занимаясь изучением «великого человека», тем не менее подчеркивал, что любой человек – прежде всего «дитя своего общества», своего времени. Он вводит понятие «мыслительного инструментария», т.е. базовых психологических установок, предоставляемых человеку его времени. Именно благодаря деятельности первых анналистов (М. Блока, Л. Февра) в тридцатых годах XX века было положено начало новой отрасли науки – исторической психологии, и тогда же появился термин «менталитет»³. Они, как пишет А.Я. Гуревич, призывали вернуться «к жгучим проблемам современности, привлекая для их разрешения опыт людей прошлого, а значит воскрешая жизнь этих людей во всей ее полноте и сложности – их привычки чувствовать и мыслить, их повседневную жизнь, их способы борьбы с обстоятельствами... Блок и Февр стремились к воссозданию не отдельных сторон действительности, а целостного представления о жизни людей, людей «из плоти и крови»⁴. Таким образом, «новая историческая наука» изначально несла в себе «антропологический заряд». По мнению А.Л. Ястребицкой, историко-антропологическое понимание истории и смысла «ремесла» историка превращает историю из иллюстрации неотвратимого действия «универсальных закономерностей» в историю с «человеческим лицом». В дальнейшем антропологическое измерение истории привело к расширению границ исторического исследования, к освоению новых сюжетов истории (истории женщин, истории детства, семьи и отношений родства и т.д.), изменению методов анализа исторических источников, подходов к историческому исследованию. Подлинная задача историка в понимании историков-анналистов сводилась не к механическому исследованию прошлого, а к живому диалогу между историком и человеком другого времени. Показательно, что изучая, в первую очередь, области, мало затронутые в консервативной историографии, т.е. историю социальных отношений, менталитета, обратив внимание на Человека как на субъекта истории, на внутренние взаимосвязи между разнообразными сферами его социальной деятельности, анналисты обозначили круг новых изучаемых проблем. В дальнейшем сторонники данного подхода (так называемой социальной истории) не только расширили круг проблем, но и способствовали возникновению интереса к изучению поведенческого модуса человека, истории представлений и образов (имагологии, в настоящее время изучающей национальные образы мира и доказавшей свое право на существование в качестве самостоятельного направления).

Осмысление понятия «повседневная жизнь», «повседневность» осуществляется и на уровне интегративного метода познания человека в истории, как истории «целиком», то есть «тотальной истории». Эта гигантская область познания, которую Ф. Бродель условно обозначил как «материальную цивилизацию», «структуру повседневности», новое исследовательское пространство, охватывающее «элементарную базовую деятельность человека, которая встречается повсеместно и масштабы которой фантастичны»⁵. «Структуры повседневности» включают все то, из чего складывается жизнь человека: условия жизни, трудовая деятельность, потребности человека (питание, жилище, одежда), техника и технологии (возможности удовлетворения жизни). Однако следует обратить внимание на то, что ментальность, в концепции Ф. Броделя, это «темница времени большей протяженности», из которой человек не в состоянии вырваться. По мнению Н.Л. Пушкаревой, «броделевский подход к истории есть пересмотр открытой позитивистами хозяйственной истории, не выходящей за пределы описания материального мира и составляющих его объектов, вещей, нравов как таковых»⁶. Проблема человека и его образа в исторической перспективе является «белым пятном» в истории. Именно это объясняет необходимость теоретического обоснования понятий «история повседневности», «образ жизни», «структуры повседневности», рассмотрения его взаимосвязи с культурой, социальным обликом, поведенческими стереотипами. Изменение человека, его психологии, мироощущения и мировосприятия, поведения по мере восхождения по ступеням социального развития – вот что является неразрешимой задачей, которую настоящим и последующим поколениям историков следует разгадать. Широкое обращение к истории человека сформировалось в 60-е годы XX века, когда начался «золотой век» междисциплинарного подхода, интеграции наук⁷. Именно тогда появились работы по истории с социально-экономическим, социально-политическим и социокультурным подходом. Социальная история сделала своим предметом личность, семью, группу, отношения между людьми, обществом и средой применительно к прошлому. А это изначально предполагало, что в фокус работ нового направления попадут проблемы демографии, географии, технологии и экономики. «Новая» история сильно отличалась от «старой». «Новая» история сконцентрировала свое внимание на образовании, организации труда, досуга, культуры, структурах повседневности, урбанизации и т.д. Как уже отмечалось выше, не без влияния школы Анналов сложилась «новая историческая наука», основой которой стал антропологический подход. В центре внимания оказался человек в его социальном и культурном контексте, среда его обитания. Так появилась историческая антропология, историческая социология, демография и урбанистика. Известный английский ученый Э. Хобсбоум предложил создать целостную историю общества на базе социальной истории, при этом особое внимание должно было уделяться исторической психологии – системе мышления, стереотипам поведения, образу жизни людей. «Различные направления «социальной истории», – пишет Р.Е. Кантор – получили развитие в рамках «новой исторической науки», во многом обогатившей историографию – и по предмету, и по методам исследования... Но одновременно получили развитие и ряд опасных исторических знаний, тенденций, в первую очередь, фрагментарность исторических исследований»⁸.

Показательно, что история повседневности (близкое к социальной истории направление), как самостоятельное направление, активно разрабатывается исследователями с конца 60-х годов прошлого столетия. Первым на значимость осмысления сферы повседневности, «сферы человеческой обыденности» обратил внимание Э. Гуссерль, назвав эту сферу «жизненным миром». Эту идею развил и продолжил А. Шюц, начав изучать сознание людей и его отражение в повседневном поведении. Интерес к ней особенно высок в Германии и приходится на рубеж 60–70-х годов XX века. Родона-

чальниками истории повседневности стали германские историки А. Людтке и Х. Медик. Вскоре здесь определилось два направления данного течения: «статичная концепция» и «динамичный подход». Первое предполагало четкое разделение между сферами повседневной и не повседневной жизни, главное внимание уделяя структуре общественных отношений. Для второго направления интерес представляла не столько будничная жизнь людей, а реконструкция социальной практики людей. История повседневности – это не простое описание быта и образа жизни предшествующих поколений, история повседневной жизни, а глубокий анализ основных структур повседневности (включающих понятия о жилище, пище, одежде, средствах обмена), систем норм и морали, взаимоотношений индивидов, традиций. В 60–70-х годах XX в. изменился и «ландшафт» британской исторической науки. Вслед за своими иностранными коллегами англичане обратились к изучению извечных «структур» повседневной жизни. Объектом современного исследования повседневности сделались демографические процессы и ролевые взаимоотношения полов, структура питания и шире – потребление вообще, феномен моды и т.д. Формы повседневности стал стержнем, который помогал скрепить разные типы истории: экономической, социальной, политической, культурной. Привлекательными в английской истории оказались периоды, порождающие ассоциации и параллели с современностью и позволяющие разглядеть некие извечные качества, присущие англичанам, в частности традиционные викторианские ценности: патриотизм, социальная дисциплинированность, строгие моральные нормы, подчинение установленным правилам⁹. Социальные привычки людей, экономические обстоятельства их жизни находясь в движении никогда не меняются полностью, старое часто проникает в новое. Социально-экономические изменения, повышение уровня жизни, большая доступность образования и распространение достижений науки, увеличение свободного времени не только оставили глубокий след в сознании англичан, в их вкусах и пристрастиях, но привели к формированию особого викторианского образа жизни, включавшего в себя представление о «достойном», «респектабельном» стиле жизни. Но в викторианской Англии, не смотря на общность ценностных приоритетов англичан (как и в настоящее время), сохранялись почти непреодолимые социальные барьеры, каждый член общества действовал в рамках предписываемой ему социальной роли. Это проявлялось в различных «способах жить», или «стилях жизни». Общество, различные социальные группы, индивиды начинают целенаправленно культивировать «стили жизни», чтобы тем самым обозначить социальные различия и сформировать свою идентичность. Это проявляется в существовании различных «стилей поведения», поведенческих стереотипов. Так, в викторианской Англии можно выделить по крайней мере четыре группы викторианцев, представляющих различные стереотипы поведения: «серьезные викторианцы», «истинные джентельмены», «щеголи», «деловой человек». «Серьезные викторианцы», основными ценностями которых являлась религия, семья, чувство долга, строгая мораль. Примером для этой группы служила королевская чета. Второй тип поведения выражался в стремлении выглядеть и поступать так, как подобает «истинному джентельмену». Отличительными признаками представителей этой группы были «культ любительства», убеждение, что джентельмен не должен работать для практического результата, но лишь для удовольствия. Для этой группы англичан вопрос состоял не в принадлежности к какому-либо классу, а в том, чтобы соответствовать своим поведением представлению о джентельмене. Третья группа викторианцев – денди – английский щеголь (безупречно одетый человек). Для них характерно стремление произвести фурор, обратить на себя внимание, пресыщение жизнью, «болезнь ума», утрата связи с окружающим миром, чувство одиночества, эгоцентризм. Но одним из самых харак-

терных образ той эпохи (особенно со второй половины XIX века) был образ делового человека. Их цель – богатство и власть, страсть – деньги, талант – умение делать карьеру и деньги, подавляя в себе всякое сострадание. Ярким примером этой группы британцев является верхушка «среднего класса» – буржуазия «форсайтовского типа». Выбор образа жизни или «стиля» жизни «среднего класса» определялся личными склонностям, социально-экономическим условиям деятельности, влиянием давно сложившегося образа жизни аристократии и проявлялся в поведении, манере общения, сфере интересов, бытовой культуре. Многие «предприниматели» предпочитали вести аристократический образ жизни, который порой принимал карикатурную форму. Но их нередко привлекала служба и политическая деятельность, они пополняли ряд свободных профессий, хотя сам по себе престиж предпринимателя («делового человека») стоял высоко. В викторианскую эпоху особое значение в представлениях «типичных викторианцев» о «достойном», респектабельном образе жизни играли земельные владения, приобретение загородных домов (часто это были старинные постройки), членство в клубе, участие в светских сезонах, благотворительность. Интеллектуальная элита (часть «образованного класса», эталоном которого являлась юридическая профессия, а не творческая интеллигенция, как во Франции или в России) не ощущала своей отчужденности от общества. Она была также захвачена настроениями эпохи, она не противопоставляла свой образ жизни типичному. Для интеллектуальной элиты были характерны те же ценности, что и для других групп викторианцев: респектабельность, высокий статус, устойчивость, прагматизм. Иным был «стиль жизни», ее отчужденность «проявлялась преимущественно в эстетическом противостоянии усредненным вкусам викторианцев»¹⁰. «Новое социальное поколение» англичан, несомненно, являлось ярким представителем «типичного» викторианского образа жизни и оставались в рамках культурной парадигмы своего времени. А. Бриггс, допуская восприятие единства и целостности викторианского периода, тем не менее считает, что типично викторианским временем является период 1851–1875 гг.¹¹, когда мироощущение англичан складывалось под влиянием экономического процветания, национальной безопасности, развития парламентской системы, стабильности государственных институтов, постепенных и позитивных реформ. Итак, образ жизни, стиль поведения викторианцев в значительной степени определялись нравами представителей высших слоев, основой формирования представлений о «респектабельном» образе жизни являлись как традиция, так и либеральные ценности. В «стиль жизни» осознанно или неосознанно, входят экономическое, социальное положение, культурные веяния времени, общность ценностных приоритетов, в частности и аристократических. Различие в социальном и имущественном положении способствовало многообразию вариантов избранного викторианцами «способа жить». Викторианский образ жизни, сама эпоха с ее культурными приоритетами оставили глубокий след в сознании и психологии англичан, который присутствует до сих пор.

Поэтому неслучайно в центре внимания истории повседневности попадает исследование образа жизни и его изменения у различных социальных слоев, эволюция их поведения и характеристика их реакции на жизненные события и ситуации. Если в социологии «стили поведения» определяются как стабильные способы поведения человека или общества в целом при столкновении с определенной проблемой, при этом включая экономическое и социальное положение и усвоение социумом опыта, то «стиль жизни» у М. Дингиса выступает более широкой категорией. «Стиль жизни» – «сравнительно устоявшийся тип решений, принимаемых индивидами или группами, делающими выбор из предлагаемых им обществом вариантов поведения.

Индивиды, группы или общества могут целенаправленно культивировать стили жизни, чтобы тем самым обозначить социальные различия и сформировать свою идентичность. Ссылаясь на Х. Мюллера, М. Дингес определяет стиль жизни как «структурированные во времени и пространстве модели образа жизни, которые зависят от ресурсов (материальных и культурных), от типа семьи и хозяйства, а также от ценностных установок. Ресурсы определяют жизненные шансы, возможности выбора в каждой данной ситуации; тип семьи и хозяйства есть характеристика экзистенциальной, жилищной и потребительской ячейки; и, наконец, ценностные установки определяют главные жизненные цели, формируют ментальности...». Таким образом, с помощью понятия «стиль жизни» описывается, «какую жизнь вели» исторические субъекты или как они решали различные жизненные проблемы»¹². Теория стилей жизни оказывается полезной для «культурной истории повседневности» с различных точек зрения. Во-первых, изучая смысл, вкладываемый историческими персонажами в их действия, мы применяем на практике их понятия, представления, ценности, т.е. обрисовываем картину прошлого глазами современников. Во-вторых, данный метод позволяет полноценно, не акцентируя внимания на каком-нибудь одном факте, рассмотреть исторические изменения. Поведение людей во многом определяется картиной мира, поведенческими границами. Образ жизни человека – это историческая категория, «характеризующая жизнедеятельность людей в прошлом, настоящем и будущем во всех сферах общественного бытия»¹³. Историки повседневности понимают историю как процесс реконструкции, на первый план выдвигается стремление исследователя почувствовать дух времени через изучение основных структур повседневности: «...создать сплав судьбы человека и времени, в котором он жил, чтобы его поступки и поведение получили историческую оценку... участники не только объекты, но и субъекты истории»¹⁴. Следует обратить внимание на такой вид исторической реконструкции, как «историческая метафора» или исторические биографии. Так, биографические исследования английских авторов задумывались не только как жизнеописание притягательных, сложных и порой загадочных личностей, но и как возможность показать мотивы тех или иных поступков на фоне широкой картины истории Великобритании XIX века, как возможность проследить процесс формирования новой морали, нового образа жизни, нравов, настроений, традиций. Но биографы и историки, создавая галерею портретов: королевы Виктории, Б. Дизраэли и других, неизменно сосредотачивались на их политической деятельности¹⁵. Новое поколение исторических биографий «не ограничивается повествованием о жизненном пути исторического персонажа, а представляет собой историческое исследование: «это сама история, показанная через историческую личность...»¹⁶. Показательно, что объектом исследования становится королева Виктория – умная, практичная, хладнокровная повелительница Великобритании, пережившая взлеты и падения, символ эпохи, а также любящая жена и мать, но и роль королевского двора, который активно вторгался в повседневную жизнь англичан, по-новому организуя ее (привлекая к участию в официальных церемониях в столице, посещая во время своих визитов дома своих подданных герцога Веллингтона, Р. Пиля, герцога Девоншира; приобрела уютное поместье Бальморал, где устраивала приемы в неформальной обстановке, занималась благотворительностью)¹⁷. Предметом тщательного изучения становятся отдельные стороны жизни королевы: ее семейная жизнь, взаимоотношения с придворными, круг чтения и развлечения. При ближайшем рассмотрении оказывается, что пример королевской семьи привел к тому, что в викторианскую эпоху установился культ семьи. Воспевание материнства стало характерной чертой этого периода. Викторианской этике было свойственно понимание материнства как высшего назначения

женщины. Викторианская концепция женственности подразумевала экономическую зависимость женщин от мужчин, жесткое ограничение их деятельности сферой семьи. Исследователи стремятся через всесторонний анализ жизни пролить свет на неизученные аспекты прошлого, раскрыть ценностные приоритеты эпохи, показать сложный и противоречивый «мир» человека викторианской Англии. Познание прошлого происходит на основе изучения «свидетельств эпохи», то есть источников. На первый план вышли «...такие «ненадежные», «субъективные» источники, как дневники, письма, мемуары, автобиографические материалы, продукты творческой деятельности индивида, в которых запечатлены его эмоционально-психологический и интеллектуальный мир, его самосознание и индивидуальный жизненный опыт»¹⁸. Письма королевы Виктории, ее дневник, частная переписка королевы Виктории с ее старшей дочерью; дневники Ч. Гревилла; Англия. Автобиография (история Англии, изложенная ее жителями – «книга очевидцев») дают возможность лучше понять не только реалии английской повседневности, но и «проникнуть» в душу викторианцев¹⁹.

Повседневная жизнь – это мир человека викторинской эпохи со своей атмосферой и внутренним распорядком; общностью ценностных и поведенческих приоритетов; викторианским стилем жизни и представлениями современников о «достойном» образе жизни; культом семьи и образом «истинной леди»; домом как границей между неким внешним миром и частной жизнью англичан, как показателем принадлежности к определенному социальному статусу; клубами и салонами; модой и развлечениями и др., то есть те «мелочи и детали», создавшие неповторимый стиль эпохи. Повседневность – это история прошлого и познания человека в истории.

Литература

- ¹ Поляков Ю.А. Как отразить многомерность истории // ННИ. 2003. № 4. С. 4–5.
- ² Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986. С. 11.
- ³ Браун Е. Школа Анналов – «новая историческая наука» // Анналы экономической и социальной истории. Избранное / пер. с фр. М., 2007. С. 11–12, 15; Гуревич А.Я. Исторический синтез и «Школа Анналов». М., 1993. С. 11.
- ⁴ История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. С. 6.
- ⁵ Бродель Ф. Структуры повседневности. Возможное и невозможное. М., 1986. С. 38–39.
- ⁶ Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 7.
- ⁷ Парфенов. Методология исторической науки. М., 1993.
- ⁸ Кантор Р.Е. Теоретические искания западных историков (заметки на полях книги П. Берке) // Вопросы истории. 1996. № 8. С. 147.
- ⁹ The collected essays of Asa Briggs. Vol. 2. Images, problems, standpoints, forecasts. Urbana. Chicago, 1985.
- ¹⁰ Фадеева Л.А. «Профессиональный класс» в английской социальной истории XIX в. // Новая и новейшая история. 1998. № 4. С. 64.
- ¹¹ Briggs A. A Social history of England. 1983. P. 228.
- ¹² Дингес М. Историческая антропология и социальная история: через теорию «стиля жизни» к «культурной истории повседневности» // Одиссей. Человек в истории. М., 2000. С. 107.
- ¹³ Бромлей Н.Я. Человек и его образ жизни в исторической перспективе // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып. 2. М., 1989. С. 28.
- ¹⁴ Орлов И.Б. История повседневности: смерть или новое рождение? // Преподавание истории в школе. 2008. № 3. С. 4.
- ¹⁵ Blake R. Disraeli. L., 1966; Strachey L. Queen Victoria. L., 1987.
- ¹⁶ История через личность. Исторические биографии сегодня / под ред. Л.П. Репиной. М., 2005. С. 6.
- ¹⁷ Хибберт К. Королева Виктория / пер. с англ. В.М. Заболотного. М., 2005. С. 240–242, 251–252.
- ¹⁸ История через личность. Историческая биография сегодня / под ред. Л.П. Репиной. М., 2005. С. 11.

¹⁹ The Letters of Queen Victoria. 1837–1861. L., 1907. Vol. 1–2. Greville. The Greville Memoirs 1814–1860 / ed. by Lytton Strachey and R. Fulford. L., 1839; Англия. Автобиография / под ред. Дж. Льюиса-Стемпела; пер. М. Башкатова, И. Летберга; под общ. ред. К. Королева. М., 2008. С. 359–420.

А.Г. ТУМАНОВ

ВИКТОРИАНСКАЯ АНГЛИЯ ГЛАЗАМИ РУССКИХ СОВРЕМЕННИКОВ (ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ОБЗОР ПРОБЛЕМЫ)

Унаследованный от первой половины XIX в. интерес к Англии в России как к «всемирной мастерской» после реформ Александра II переходит на новый виток. Викторианская эпоха в Англии ознаменовалась значительными изменениями в экономической, политической, культурной и социальной сферах жизни общества: империя стала самой экономически развитой и богатой страной в мире; расширились политические права граждан Британии; совершенствовалась парламентская система; создавалось рабочее и социальное законодательство; изменилась роль женщины в обществе. Став признанным мировым лидером, Англия задавала тон для модернизации других стран, в том числе и для России. Русские современники активно интересовались происходившими в ней преобразованиями, путешествовали в Англию, делились своими впечатлениями с соотечественниками. Повышенное внимание к событиям, происходившим в Англии, объяснялось проблемами, которые выдвигались в те годы российской действительностью. Для определенной части русского общества Англия представляла своеобразный идеал правильно организованного государства.

О том, как воспринималась Англия в России можно судить по самым разным источникам. Их изучение позволит представить тот образ викторианской Англии, который складывался в российском обществе. Источники по данной теме можно разделить на следующие группы: 1 – русские периодические издания; 2 – публицистические работы; 3 – мемуары, воспоминания русских министров и общественных деятелей; 4 – переписка семьи Романовых с представителями виндзорского дома, письма русских современников; 5 – путевые заметки русских путешественников; 6 – записки русских политических эмигрантов. Все источники, рассмотренные в данной статье, относятся ко второй половине XIX – началу XX вв., исключением являются воспоминания русского поэта, литературного критика П.А. Вяземского, относящиеся к первой половине XIX века.

Для историка, изучающего общественную мысль прошлого, печатное слово имеет первостепенное значение. И, в первую очередь, речь здесь идет о периодической печати. Периодическая печать не только отражает существующие в обществе взгляды и представления, но и сама служит орудием их формирования. В различных российских периодических изданиях отражался весь спектр мнений русского общества об Англии. Одним из наиболее авторитетных и либеральных печатных органов в России был журнал «Вестник Европы», основанный в 1802 г. известным российским писателем и историком Н.М. Карамзиным. «Вестник Европы» сыграл определяющую роль в становлении русской периодической печати в 1800-е годы. Не будет преувеличением утверждать, что история русской журналистики этого времени – это во многом история именно «Вестника Европы», который был первым частным политическим журналом в России, сохранявшим значительную степень независимости от идеологической линии государства. Огромную роль на журнал оказал его редактор – известный общественный деятель, публицист и историк, М.М. Стасюлевич. Структура журнала позволяла ему затрагивать на своих страницах исторические, политические и культурные вопросы. В журнале печатались подробные материалы об английской